

Г. Ф. БЛАГОВА

ТЕНДЕНЦИИ К УСЛОЖНЕНИЮ ТЮРКСКОГО ПАДЕЖНОГО СКЛОНЕНИЯ (Опыт сравнительно-типологического изучения)

Памяти Виктора Владимировича Виноградова

Вводные замечания. Совсем недавно возможность соединения в одной словоформе двух показателей одной грамматической категории (или «порядка» по Глисону) в принципе отрицалась или же для агглютинативных языков признавалась явлением чрезвычайно редким. Исследования морфологической структуры слова в конкретных агглютинативных языках, проводимые Б. А. Серебренниковым, В. З. Панфиловым, А. Н. Кононовым, О. П. Суником, К. Е. Майтинской, Т. А. Бертагаевым и др., показывают, что комбинирование однокатегориальных аффиксов в пределах словоформы во многих этих языках по крайней мере исторически используется в качестве регулярного грамматического средства при выражении ряда категорий как словообразования, так и словоизменения.

Изучение под углом зрения аффиксальной комбинаторики одной из ключевых категорий именного и местоименного словоизменения — падежного склонения — позволило найти в целом ряде языков сочетания падежных показателей.

Пытаясь выяснить место и роль таких комбинаций в развитии падежного склонения прежде всего тюркских языков, мы руководствовались методикой, которую применил Б. А. Серебренников при воссоздании пермской, мордовской и шире — уральской падежных схем и их эволюционирования; эта методика позволяет для наших целей привлекать к исследованию явления, занимающие неодинаковое положение на осях как синхронии, так и диахронии¹. На этом основании ниже будут рассматриваться явления, которые по тем или иным историческим причинам, связанным с условиями их развития или с их назначением, стали не вполне тождественными во многих отношениях². Исследуемые сочетания по разным языкам обнаруживают различные степени слияния падежных аффиксов. В одних случаях такие аффиксы сочетаются свободно, не теряя при этом способности самостоятельно употребляться каждый в отдельности и образуя своего рода окказиональные комбинации, остающиеся за пределами действующей падежной парадигмы; естественно, что аффиксальные «стыки» при этом часто ощущаются носителями языка. В других слу-

¹ См.: Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, М., 1963 (далее — ИМПЯ), стр. 30—31 и сл.; е г о ж е, Историческая морфология мордовских языков, М., 1967 (ИММЯ), стр. 32 и сл.; е г о ж е, Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках, М., 1964 (ОЛУ), стр. 9—11.

² Поскольку изучаемые комбинации аффиксов не вполне отвечают принципу функционального тождества, без которого немислимо понятие типологического тождества (см.: Э. А. Макаев, Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков, сб. «Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966, стр. 41), было бы преждевременным рассматривать их как своего рода типологическую константу.

чаях комбинация аффиксов срослась в один сложный падежный показатель, и аффиксальный «стык» здесь вскрывается только при помощи метода расчленения падежных аффиксальных комплексов, сформулированного Б. А. Серебренниковым. В третьих случаях формы, некогда включавшие в себя комбинации падежных аффиксов, претерпели морфологическое разложение, в результате которого один из членов такой комбинации — непосредственно примыкающий к основе падежный показатель — слился с нею, образовав тем самым новую основу склонения. Необходимо учитывать также, что в разных языках такие комбинации неодинаково глубоко проникли в падежную парадигматику: в ряде случаев они регулярны и пронизывают все косвенные падежи, в других случаях охватывают только часть косвенных падежей, в третьих случаях аффиксальные комбинации сохранились лишь как разрозненные осколки «несостоявшихся» падежных систем или как зачатки таких систем, по-видимому, инновационного типа, находящихся в становлении. Тем не менее, при сравнении не только родственных, но и неродственных языков, говоря словами В. Н. Ярцевой, «не следует пренебрегать теми явлениями, которые, будучи „массовидными“, т. е. обладая высокой степенью частотности в одном языке, в другом могут быть представлены единичными случаями»³.

В своем исследовании мы столкнулись также с проблемой генетической разнородности. Как известно, вопрос о развитии падежного склонения в привлеченном нами к изучению круге языков часто осложняется трудностями при отграничении падежных показателей от послелогообразных формативов — тем более, что исторически целый ряд падежных показателей восходит к трансформированным послелогам, а основой таких «молодых» падежных форм является, по сути дела, управляемая, т. е. тоже падежная, форма имени или местоимения⁴. Подобная «комбинаторика» составляет предмет специального изучения; поэтому те случаи, где «послеложный» характер таких комбинаций доступен для определения (здесь нам приходилось следовать за имеющимися исследованиями), мы старались не привлекать к рассмотрению. В принципе же, с точки зрения синхронической, падежные формы послеложного происхождения подлежат изучению наряду с обычными падежными формами: в плане синхронии гетерогенность первых преодолена в процессе их парадигматизации.

Представляется, что самая способность соединять в одной словоформе два (а то и три) падежных аффикса на фоне возможности или невозможности в данном языке комбинаций показателей других грамматических категорий⁵ может послужить важной характеристикой морфемной структуры языка.

1. Исторические тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. В соответствии с установленным в тюркологии взглядом, «падежная система современных тюркских языков засвидетельствована в уже сложившемся виде в наиболее ранних памятниках тюркских языков, т. е. в VI—VIII вв. н. э. Развитие падежной системы в последующее время

³ В. Н. Ярцева, Типологические исследования морфологических структур в родственных языках, сб. «Структурно-типологическое описание...», стр. 5.

⁴ В ряде тюркских языков, например, обычен род. (вин.) падеж личных местоимений как основа образования такого «молодого» падежа, как «орудно-совместный» (иначе: «орудный», «инструментальный», «творительный»), восходящего к сочетанию послелога *bi(a)(n)* с управляемым им именем в род. (вин.) падеже; например: 1-е лицо ед. число караймск. *менімбә*, казах. *менімен*, чулымско-тюркск. *māngāyālā*, шорск. *меєңме*, см.: «Языки народов СССР», II, М., 1966 (далее в тексте — ЯН СССР; III — М., 1966; IV — М., 1967; V — Л., 1968), стр. 268, 327, 451, 473.

⁵ См. например, Г. Ф. Б л а г о в а, Комбинация аффиксов — искомная урало-алтайская модель или типологический параллелизм?, «Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов [Ю Института языкознания АН СССР]», Л., 1969.

выражалось в дальнейшем уточнении значений грамматических падежей и в окончательной дифференциации пространственных падежей...», в целом же это развитие «шло в направлении количественного сокращения падежей»⁶.

Между тем, с воззрением об односторонности развития тюркского падежного склонения на протяжении более чем тысячелетия⁷ не согласуются некоторые факты, которые уже давно известны тюркологии (например, древнеуйгурские, новоуйгурские и чагатайские формы пространственных падежей для местоимений, где основой склонения «будет один из грамматических падежей» — КП, стр. 50). Однако такие факты, весьма разрозненные и неодинаковые по разным тюркским языкам, пока не рассматривались с точки зрения занимаемого ими места в эволюции тюркского падежного склонения.

Имея в виду, что развитие падежных систем «в языках не совершается в виде единого и равномерного потока» и что «старые падежные формы отодвигаются к периферии и всегда в той или иной мере где-то сохраняются или входят в состав новых» (ИМПЯ, стр. 30—31), мы поставили своей целью рассмотреть «странные», «необычные» для тюркских языков падежные формы именно под углом зрения исторического развития тюркского склонения; с этой целью проводились наблюдения над падежным склонением — именным, местоименным, посессивным — на материале, относящемся как к истории тюркских языков, так и к современному их состоянию при учете данных новейших диалектологических исследований. (Такое широкое привлечение материала к изучению вызвано еще и тем, что синхронно-сопоставительная и диахронно-сопоставительная грамматики тюркских языков пока не созданы.)

Выявление интересующих нас фактов в довольно большом объеме (если принимать в расчет показания разных тюркских языков в их синхронии и диахронии) и систематизация добытых фактов, как нам представляется, помогают установить и осмыслить те, по-видимому, недостаточно устойчивые тенденции к усложнению падежного склонения, которые в разное время охватывали даже и не всю тюркскую падежную систему в целом, а лишь отдельные ее части. Так, местоименное склонение было эпицентром проявления этих усложнительных тенденций с непосредственной отдачей в посессивном склонении и совсем уже отдаленным «эхом» в области именного («безличного», или «основного») склонения. Подчеркнем сразу же, что подобные тенденции никогда не генерализовались в тюркских языках настолько, чтобы изменить сложившуюся там падежную систему в целом. Тем не менее, без учета спорадического активизировавшегося в разных тюркских языках усложнения падежного склонения картина развития тюркской падежной системы была бы неполной. Поэтому предлагаемая ниже попытка воссоздать некоторые усложнительные тенденции в развитии тюркского падежного склонения, как и последующее обсуждение этой попытки, могут послужить задачам развертываемого ныне сравнительно-исторического изучения грамматики тюркских языков.

По признаку сочетающихся падежных аффиксов, а отчасти и по характеру их соединения и предназначения получившегося комплекса изучаемые комбинации в тюркских языках могут быть сгруппированы в две

⁶ Э. В. Севортян, Категория падежа, ИСГТЯ, ч. II, М., 1956 (далее — КП), стр. 45, 58.

⁷ Ср. такое представление об относительной стабильности тюркского склонения и «наблюдающуюся во всех индоевропейских языках в разные периоды их развития картину разрушения и воссоздания, всякий раз на иных основаниях, парадигматического строя» (Э. А. Макаев, Архаизмы и инновации в ведическом, «Языки Индии, Пакистана Непала и Цейлона», М., 1968, стр. 398) или же трактовку истории финно-угорского склонения с учетом неоднократных смен падежных систем (ИММЯ, стр. 32).

серии. (Серией финно-угроведы и картвелисты называют группу падежей, с формальной стороны характеризующуюся тем, что в составе всех падежных форм данной серии вычленяется специфический форматив, через посредство которого присоединяются показатели любого падежа этой серии.)

1. Зачатки первой из таких «серий» в тюркских языках можно видеть в склонении, главным образом, местоимений по локативным падежам: показатели этих падежей наращивались к форме род. (вин.) падежа⁸, или скорее к «генитивоподобной» основе (термин Д. В. Бубриха; он приемлем здесь уже и потому, что род. падеж в подобных случаях служит не для выражения определенных отношений, а является всего лишь средством формальной связи). Такую возможность тюркского генитива «служить первичной формой для новых падежных образований»⁹ в принципе допустимо рассматривать в связи с его способностью участвовать в аффиксальном комплексе иного назначения (*-niŋki*).

Сложные падежные формы личных местоимений, еще не подвергшиеся морфологическому опрощению, встречаются уже в языке орхоно-енисейских рунических надписей (для местоимения 1-го лица мн. числа в дат. и местно-исх. падежах: *бизиңэ, бизинтэ*¹⁰); наибольшее распространение такие формы получили в памятниках древнеуйгурского языка. Однако даже и при таком ограничении эти сложные формы были далеки от абсолютной регулярности: на основе род. падежа только исх. падеж образовывался от любого из личных местоимений, в то время как производство таким способом местн. и дат. падежей не отмечается для местоимений 1-го лица и 3-го лица ед. числа. Кроме того, сложные падежные формы в парадигме склонения личных местоимений существовали всего лишь как вариант, ср.: 1-е лицо ед. числа исх. пад. *мэңдін, мэңиңдін, мэнтін, мэңиңтін*; 2-е лицо ед. числа мест. пад. *сэңдә, сэңтә, сэңиңдә* и исх. пад. *сэңдін, сэңитін, сэңиңдін, сэңиңтін*; 3-е лицо ед. числа исх. пад. *андін, антін, аңиңдін, аңиңтін*; 1-е лицо мн. числа местн. пад. *біздә, бізіндә, бізиңтә, бізнидә*, исх. пад. *біздін, бізнидін, бізиңдін*, дат. пад. *бізгә, бізиңә*; 2-е лицо мн. числа местн. пад. *сіздә, сізіндә, сізиңтә, сізнидә*, исх. пад. *сіздін, сізнидін, сізиңдін*¹¹.

Гораздо реже показатель род. (вин.) падежа в его полном виде можно наблюдать в составе форм локативных падежей для имени, снабженного аффиксом принадлежности 3-го лица, например: *йигирми алты йаш-ы-нида* «в свои двадцать шесть лет»; подобные формы использовались наряду с обычными, морфологически опрощенными типа *таң паш-ы-нида* «на рас-

⁸ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 193. См. также: В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд. Казань, 1953, стр. 168.

⁹ Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957 (далее—ВАЯ), стр. 35.

¹⁰ В. М. Насилов усматривает возникновение дополнительного значения в сложной форме *бизинтэ*, которую он переводит как «сравнительно с нашими (нашим войском)», — см. его «Язык орхоно-енисейских памятников», М., 1960 (далее — ОЕП), стр. 35; ср. также стр. 37. Рассматривая формы типа *seniŋdin* в современном уйгурском языке, он указывает, что здесь «двойной падеж выражает координацию отношений между предметами...» (В. М. Насилов, Грамматика уйгурского языка, М., 1940, стр. 68). Другие исследователи не отмечают возникновения новых смысловых оттенков в подобных формах.

¹¹ См.: А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961 (далее — ТВТ), стр. 125—126; В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963 (далее — ДУ), стр. 41; A. v. Gabain, Altürkische Grammatik, 2. Auflage, Leipzig, 1950 (далее — АТГ), стр. 91—92; M. Räsänen, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, стр. 15; Ч. Джумагулов, Язык сирот-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Автореф. канд. диссерт., Фрунзе, 1969, стр. 22, 23.

свете»¹². Такие претерпевшие морфологическое опрощение и перераспределение формы локативных падежей при посессивном типе именного склонения характерны для большинства тюркских языков, начиная с орхон-енисейских рунических надписей. Документально зафиксированная «двойственность формальных наращений» не только при местоименном склонении, но и при посессивном типе именного склонения «проливает свет на явление так называемого вставочного *и*, выступающего в группе локативных падежей...»¹³.

В то время как опрощенные формы посессивного типа склонения имен прочно укоренились в большинстве тюркских языков, местоименные формы локативных падежей с «гениитивоподобной» основой, не затронутой процессами опрощения, не стали доминирующим вариантом в падежной парадигме и впоследствии резко пошли на убыль. В чагатайском подобные формы имеют эпизодический характер (см., например, вариантное использование сочетания род. падежа с так называемым экативом: *menča/meniniğ-ča* «подобно мне», *senča/seniniğča* «подобно тебе»¹⁴).

Тем не менее, даже и такое, не превратившееся в систему, историческое существование зачатков 1-й серии склонения не прошло бесследно для тюркских языков. Следы сложных падежных форм этой серии сохранились как варианты в местоименном склонении ряда современных языков и диалектов: в уйгурском и его диалектах, в узбекском, киргизском языках, а также в говорах башкирского языка — кизильском, бурзянском, кубаянском и казмашевском. В этих башкирских говорах сохранились почти все ступени развития сложных форм дат.-напр. падежа для личных местоимений ед. числа и для указательных местоимений, исторически эволюционировавших в направлении своего опрощения: 1-е лицо ед. число *миннәз/миннәгә/миннә*, 2-е лицо ед. число *һиннәз/һиннәгә/һиннә*, 3-е лицо ед. число *аныңа/аныға (уныңа)/аға (уға)* и указательные местоимения *мыныңа/мыныңа/быға, шуныңа/шуныңа/шуға*¹⁵ (вариантные формы указательных местоимений и восходящего к одному из них местоимения 3-го лица, возможно, соединили в себе черты разных типов тюркского склонения).

В современном чувашском языке, где более или менее регулярное «вторичное» склонение (1-я серия) существует исключительно для местоимений личных (1 и 2-го лиц. мн. числа), указательных и определительных, а «в группе существительных имеются только элементы вторичного склонения», от род. падежа, тем не менее, образуются не одни лишь местоименные, но и многие падежные формы имен, прежде всего, при посессивном типе склонения имен — на основе род. падежа образуются формы местн. и исх. падежей при склонении имен с аффиксами 2 или 3-го лица: *уру* «твоя нога», род. пад. *уру-н*, местн. пад. *уру-н-та*, исх. пад. *уру-н-тан*, *ури* «его нога», род. пад. *ури-н*, местн. пад. *ури-н-че*, исх. пад. *ури-н-чен*¹⁶. В якутском языке при посессивном типе склонения имен местн.

¹² Ч. Джумагулов, указ. соч., стр. 22.

¹³ ТВТ, стр. 91; см. также: А. Н. Копонов, Родословная туркмен, М.—Л., 1958, стр. 136; его же, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1961, стр. 174. Относительно иной точки зрения на происхождение «вставочного *и*» в посессивном типе склонения см. ниже.

¹⁴ J. E s k m a n n, Chagatay manual, The Hague, 1966, стр. 112.

¹⁵ «Башкирская диалектология», Уфа, 1963, стр. 45, 100, 167; «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959 (далее — БДС), стр. 101.

¹⁶ А. И. Иванова, Склонение и его роль в чувашском языке, «Уч. зап. НИИ при СовМинне Чувашск. АССР», XXXIV — Филология, Чебоксары, 1967 (далее — СЧЯ 1), стр. 77, 82, 83, 87; там же, XXXIX — Филология, 1969 (далее — СЧЯ 2), стр. 123, 114, 116, 119; ЯН СССР, II, стр. 51; Ф. Г. Исхаков, Местоимения, ИСГТЯ, II, стр. 216; Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898, стр. 124.

падеж также присоединяется «не прямо, а к форме род.-вин. падежа на -ын» (это вскрывается путем историко-этимологического анализа: *-ына < -ынна < -ын + да*) (КП, стр. 53—54).

При «безличном» склонении имен в чувашском непарадигматизованное присоединение аффикса, например, дат.-вин. падежа к форме род. падежа «существительных, обозначающих предметы, которые могут обладать чем-либо», чревато возникновением дополнительных, близких к словообразовательным значений: *шкулӑнне* «тому, что принадлежит школе» (СЧЯ 1 — стр. 82; 2 — стр. 117); сходное значение имеет «двойной падеж» подобной же структуры в монгольских языках — калмыцком, бурятском и др., а из финно-угорских языков — в мордовских (ИММЯ, стр. 50). Для выражения подобного значения в других тюркских языках к форме род. падежа обычно наращивается словообразовательный формант *-ки*, а затем уже присоединяется показатель соответствующего падежа.

Развитие тюркских субстантивно-притяжательных образований на *-ниңки*, которые обнаруживают материальную и типологическую близость к монгольским и тунгусо-маньчжурским предикативно-притяжательным формам на *-(ни)нги*, вело к расширению функций подобных образований — вплоть до случаев упрощенного приравнивания их по функции к формам род. падежа¹⁷ (в тухменском, ср. также в тунгусских языках¹⁸), а иногда и введения их в падежную парадигму на правах варианта обычной, «простой» формы род. падежа (в саларском, в языке западносибирских татар)¹⁹. Все это в конечном счете обусловило для отдельных тюркских языков, главным образом, восточного ареала разрозненные проникновения этих образований в падежное склонение наметившейся в контурах 1-й серии; случаи таких проникновений можно рассматривать как зачатки усложненной 1-й серии.

Так, в языке желтых уйгуров, система склонения в котором имеет «северный („сибирский“) характер», в вариантных формах исходного падежа личных местоимений ед. числа и имен, снабженных показателями принадлежности, явственно вычленяется основа — образование на *-ниңки*; например: *мениңки-дин* «от меня», *сениңки-дин* «от тебя», *зониңки-дан* «от него», *ынысы-ныңки-дин* «от своего младшего брата»²⁰. В языке западносибирских татар род. падеж посессивных форм имени строится на прибавлении его показателя *-нең* к основе, предварительно усложненной комбинацией аффиксов *-неңке*: *инэсә-неңкә-нең койлаган* «платье (вин. пад.) ее матери». В байкибашевском и чистайском говорах татарского

¹⁷ Такое приравнивание могло оддерживаться расширением функционального диапазона самого род. падежа. Расширение функционального диапазона род. падежа может быть проиллюстрировано не только примерами из чувашского или из монгольских языков. Сошлемся также на описанные Н. П. Дыренковой случаи употребления в торском языке род. падежа личных местоимений типа *мениңи, сениңи* в функции имеющих там самостоятельных притяжательных местоимений. Род. падеж личных местоимений субстантивировался настолько, что «аффикс мн. числа присоединяется к притяж. [т. е. род. — Г. Б.] падежу этих местоимений, например: *нистинӑнер „наши“, силердинӑнер ~ силердинӑнер „ваши“, ӑлардынӑнар ~ лардынӑнар „их“* („ихние“») (Н. П. Дыренкова, Грамматика торского языка, М. — Л., 1941, стр. 85).

¹⁸ С. Куренов, Некоторые морфологические особенности говора туркмен Северного Кавказа (Ставрополья), «Известия АН Туркм. ССР», 1959, 3, стр. 60 (на туркм. яз.); ср.: О. П. Сунник, О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках, сб. «Язык и мышление», XI, М. — Л., 1948, стр. 286.

¹⁹ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. Докт. диссерт., М., 1969, стр. 156—157, 163; его же, Саларский язык, М., 1963, стр. 19—20, 25, 26; Д. Г. Тумашева, Көнбатыш Себер татарлары теле, [Казан], 1961, стр. 38, 61; Г. Х. Ахатов, Дialect западносибирских татар, Уфа, 1963, стр. 158, 159.

²⁰ Э. Р. Тенишев, Язык желтых уйгуров, в кн.: Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, Язык желтых уйгуров, М., 1966, стр. 20, 23.

языка форма на *-не(н)ке* выявляется в качестве основы для так называемого экатива: *без-некен-цэ* «по-нашему», *минекен-цэ* «по-моему»²¹.

В совокупности рассмотренные случаи участия образований на *-нишки* в усложнении отдельных падежных форм могут служить подтверждением трактовки якутских местоимений 1-го лица мн. числа *бикиги* (*bisigi*) «мы» и *эшиги* (*esigi*) как форм, исторически построенных на основе субстантивно-притяжательных образований на *-(н)и(н)ки*²², которые в самостоятельном виде не сохранились в якутском языке. Тем не менее, возможно, именно здесь эти образования глубоко проникли в парадигму склонения местоимений 1 и 2-го лиц ед. и мн. чисел, например: осн. пад. *мин* «я», вин. пад. *миигин*, исх. пад. *миигиттэн*, твор. пад. *миигинэн*, совм. пад. *миигинниин*, сравн. пад. *миигиннээбэр*; такая возможность тем вероятнее, что исторически комбинированный характер подобных падежных форм очевиден²³.

Таким образом, в зачатках тюркской усложненной 1-й серии представлено усложнение за счет не только однородных падежных аффиксов, но и разнородных, т. е. словообразовательного форманта *-ки* в составе сложного показателя *-нишки*. Заметим, что словообразовательный формант *-ки* и в чистом виде способен служить средством включения в падежную парадигму: при склонении якутского местоимения *били* «тот, о ком шла речь», «падежные аффиксы может принимать производное от него прилагательное с аффиксом *-ги*: *билиги* — *билигини*, *билигиттэн* и др.» (СЯЯ, стр. 159). Участие словообразовательных показателей как основы склонения при построении падежной парадигмы ретроспективно выявляется в ряде финно-угорских языков, а также в юкагирском²⁴.

2. В тюркских языках можно выделить также разрозненные и нерегулярные зачатки еще одной серии, основанные на комбинировании показателей локативных падежей. Способность местн. и исх. падежей служить основой для наращения показателей других локативных падежей может быть поставлена в связь с их способностью участвовать в аффиксальных комплексах словообразовательного назначения (*-да-ки*; *-дин-ки* — *күн-дүн-ки* «южный», т. е. «находящийся от солнца», *таб-дин-ки* «северный», примеры сообщены А. М. Щербаком). Уже в языке орхон-енисейских рунических памятников отмечены местоименные формы с двойным аффиксом местн. падежа (*антада*); в древнеуйгурской парадигме склонения местоимений 1 и 2-го лиц ед. числа и указательных местоимений такие формы выступали в качестве варианта (ср. *mintä* и *mintädä*, *sintä* и *sintädä* — АТГ, стр. 91—92). Изредка встречались непарадигматизованные комбинации показателей местн. и исх. (*мун-та-дан* «отсюда») или местн. и дат.-напр. падежей, причем такие комбинации отмечены и в именных (не посесивных!) падежных формах — *таң-та-ка тәгә* «до завтра», *ара-да-дин* (как эквивалент араб. *az miyān*)²⁵. В современных язы-

²¹ «Материалы по татарской диалектологии», 2, Казань, 1962, стр. 76, 183.

²² С. В. Ястремский, Падежные суффиксы в якутском языке, Иркутск, 1898, стр. 24; W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen, СПб., 1908, стр. 33; Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. 1, Якутск, 1947 (далее — СЯЯ), стр. 155.

²³ См.: С. В. Ястремский, указ. соч., стр. 18, 26 и сл.; W. Radloff, Die alttürkische Inschriften der Mongolei, СПб., 1897, стр. 77; ср. СЯЯ, стр. 157, 159. Е. И. Убрятова (ЯН СССР, II, стр. 409) разлагает только аффикс сравн. падежа — «*таагар* < *-таб* + *-рак*».

²⁴ См.: Д. В. Бубрих, К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками, ИАН ОЛЯ, 1948, 6, стр. 514; В. И. Лыткин, Примечания к кн.: Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, М.—Л., 1955 (далее — ИМФЯ), стр. 8; ОЛУ, стр. 21; Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, М.—Л., 1958, стр. 67.

²⁵ ТБТ, стр. 82, 91; C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprache Mittelasiens, Leiden, 1951—1954, стр. 156.

ках и диалектах из такого типа комбинаций, остающихся за пределами падежной парадигмы, отметим следующие. В чувашском языке непосредственно к форме местн. падежа отдельных имен (а иногда — через посредство аффикса *-рах*) могут присоединяться аффиксы твор. и местн. падежей, аффикс направления (*Directiv* по Бенцингу) *-лла* (СЧЯ 1, стр. 89, 90; 2 — стр. 120, 121). В якутском говоре Эггинского наслега в одном местоименном образовании отмечено наращение аффикса сравн. падежа на архаический показатель местн. падежа, в самостоятельном виде не сохранившийся в этом языке: *манна-таа-бар* «чем это» (ср. лит. *маннабар*)²⁶.

Сочетания падежных аффиксов на базе исходного падежа с самого начала имели окказиональный, но никак не регулярный характер. Не раз отмечавшиеся в языке памятников древнетюркской письменности формы типа *taš-dyn-dyn* «извне», *oγuz-dan-dan* «от огузов» нередко истолковываются как случаи присоединения «двойных окончаний»²⁷. Такая трактовка поддерживается фактами некоторых современных языков. В кумыкском, например, в отдельных словоформах возможно плеонастическое употребление разных вариантов аффикса исх. падежа — Н. К. Дмитриев отметил форму *ердентин* «с земли», «не задевая земли»²⁸. Такое же употребление исх. падежа возможно и в чувашском; кроме того, к форме этого падежа для отдельных имен могут присоединяться показатели дат.-вин. падежа (при этом привносится новый смысловой оттенок: *кылтен-не кылтен пұл те-ха* «из дома-то он, очевидно, из дома») или твор. падежа (*ачаранпа* «с детства»), а по Й. Бенцингу — еще и показатели *initivi* и темпоралиса²⁹.

На протяжении исторического развития тюркских языков комбинационными возможностями, вероятно, обладал и дат.-напр. падеж. В древнетюркских рунических надписях В. В. Радлов отметил именную форму, снабженную показателем принадлежности, с двумя подряд аффиксами дат.-напр. падежа: *кунчујум-ѡ-ка*³⁰. По-видимому, это аффиксальное удвоение может быть сопоставлено с якутским показателем дат. падежа *-иэхэ* для личных местоимений в его возможном развитии — «собственно показателем дат. падежа здесь является элемент *-хэ*, который часто усиливается еще аффиксом *-ѡ* (*миэхэѡ, эйиэхэѡ, биһиэхэѡ* и т. д.)» (СЯЯ, стр. 157). Чувашский напр. падеж с аффиксом *-а-лла* (*-е-лле*) считается вторичным падежом, образованным от дат.-вин. падежа (например: *ѡрманалла* «по направлению к лесу»); отдельные чувашские имена допускают присоединение аффикса лишительного падежа к дат.-вин. падежу; по мнению Й. Бенцинга, на основе дат. падежа исторически был образован ряд чувашских падежей (локатив, аблатив, адвербиалис, терминалис, темпоралис, орудный)³¹. В чагатайском показателе так называемого предельного падежа (термин А. М. Щербака) разлагается на форманты: дат. пад. *-ѡ* + экатив *-ча*; форма на *-гача*, не разложимая с точки зрения современного восприятия, употребительна в узбекском языке.

²⁶ П. С. Афанасьев, Говор верхоянских якутов, Якутск, 1965, стр. 140.

²⁷ См., например: М. R ä s ä n e n, указ. соч., стр. 62; ср.: В. Г. Кондратьев, Формы и значения падежей в языке памятников тюркской рунической письменности, «Вопросы грамматики языков стран Азии», [Л.], 1964, стр. 82. Г. И. Рамstedt (ВАЯ, стр. 43) форму *oγuzdandan* возводит к *oγuzdānan < oγuzdajan*, где *jan* «сторона».

²⁸ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 57.

²⁹ См.: СЧЯ 1 — стр. 89, 20; 2 — стр. 117, 121; J. Benzing, Tschuwasschische Forschungen (IV), ZDMG, 96 (N. F. 21), Hf. 3, 1942, стр. 453.

³⁰ W. R a d l o f f, Die alttürkische Inschriften der Mongolei, СПб., 1897, стр. 81; его же, Alttürkische Studien, V, St.-Pb., 1911 (отд. отт. из «Изв. имп. Акад. наук»), стр. 433.

³¹ См.: СЧЯ 2 — стр. 123, 1 — стр. 86, 87; J. Benzing, указ. соч., стр. 452, 453; Н. И. Ашмарин, указ. соч., стр. 129—130 («склонение закоспелых косвенных падежей»).

Напр. падеж (Direktiv) на *-вару/-гэрү, -жару/-кэрү*, столь характерный для языка орхон-енисейских памятников (см.: ОЕП, стр. 28; ДУ, стр. 35), имел аффикс, составленный из показателей дат. падежа *-га* и локативно-напр. падежа *-ру/-рү*³². Форма на *-жару* уже «в древнеуйгурских буддийско-манихейских текстах почти отсутствует как форма склонения и лишь в наречиях выступает как словообразовательный аффикс»³³. Несмотря на это, историческая форма на *-вару* в опрошенном виде (это опрошение, по Н. Х. Ишбулатову, «прошло такие ступени: *-жару/-кэрү* > *-жары/-кэре* > *-кар/-кэр* > *-ар/-эр*» — БДС, стр. 130) довольно глубоко — правда, на правах варианта, притом не одинаково регулярного, — внедрилась в местоименное склонение (локативные падежи) кыпчакского, «сибирского» диалектного типа. Именно эта форма вычленяется путем анализа в алт., хакас. *anärtyn* «оттуда», *tyuärtyn* «отсюда», в башк. диалектн. *моңарға* (ср. *моңа* «этому», *аңарға* (ср. *аңа*) «тому, ему», в татар. диалектн. *миңэргә* (ср. *миңә* «мне», *сиңэргә* (ср. *сиңә*) «тебе», *миңэрдә* «у меня», *сиңэрдә* «у тебя», *миңэрдән* «от меня», *сиңэрдән* «от тебя»³⁴. В камско-устыинском подговоре татарского языка подобные аффиксальные комбинации выявляются в формах дат.-напр. падежа посессивного типа (только для ед. числа!) склонения имен — имена с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лиц ед. числа получают сложный аффикс *-арға/-эргә*, имена с аффиксом принадлежности 3-го лица — аффикс *-нарға/-нэргә*³⁵.

Гораздо более индивидуальны различные тюркские языки в непарадигматизованных комбинациях падежных аффиксов, в основе которых лежат так называемые «молодые» падежи. В чувашском языке для отдельных имен возможны, например, соединения показателей причинно-целевого и дат.-вин., лишительного и дат.-вин. падежей (СЧЯ 2, стр. 117). В есейском говоре якутского языка, для которого вообще «характерно широкое употребление двойных падежей», возможны окказиональные сочетания двух падежных аффиксов — «имена в форме совместного падежа на *-лын* могут принимать дополнительно другие падежные аффиксы» (*тоңустар-дьын-тан кэлэн* «приезжие от эвенков») ³⁶.

Примечательно, что зачатки 2, как и 1-й серии склонения, обнаруживают точно такое же стремление к усложнению. При схожести материальных средств такого усложнения (в качестве компонента в нем принимает участие тот же словообразовательный формант *-ки*) есть и различия в части распространенности такого явления по диалектам и в части лексического охвата склоняемых таким образом единиц. Рассматриваемый способ усложнения пока наблюдался только в диалектах туркменского языка — в човдурском, салырском и ахалском. Только лишь указательные местоимения вводятся здесь в падежную парадигму посредством сложного аффикса *-дэки*, составленного из разнородных элементов — показателя местного падежа *-да* и словообразовательного форманта *-ки*, например; *бү-дэки* «этот», *шу-дэки* «этот», *ө-дэки* «тот», в ахалском *бү-тү-ки* «этот»,

³² W. Radloff, Die jakutische Sprache..., стр. 32; В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962 (далее — ИАЯ), стр. 182. Г. И. Рамстедт (ВАН, стр. 46) отмечал, что аффиксы *-га-гу* соединяются «в тюркском в обратном порядке» по сравнению с корейским, где имеем «*-гу* + окончание дат. падежа».

³³ ДУ, стр. 35. В «Покаянной молитве манихейцев», однако, отмечена форма *bizi-ḡārū* «к нам», где падежный аффикс *-ḡārū* присоединяется к личному местоимению через посредство род. падежа (С. Е. М а л о в, указ. соч., стр. 127); см. также *sižingärū* «вам» (ТВТ, стр. 84).

³⁴ См.: М. R ä s ä n e n, указ. соч., стр. 33; Ф. Г. Ис х а к о в, Местоимения, стр. 260; БДС, стр. 144; «Материалы по татарской диалектологии», 2, стр. 68, 180.

³⁵ Л. З. З а л я е т д и н о в, Средний диалект татарского языка, Казань, 1954 (на татар. яз.).

³⁶ М. С. В о р о н к и н, Есейский говор якутского языка. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1966, стр. 16.

род. пад. *бүтүкиниң*, дат. пад. *бүтүкэ*, вин. пад. *бүтүкини*, местн. пад. *бүтүкиде*, исх. пад. *бүтүкиден* ³⁷.

Большая часть собранных здесь тюркских сложных падежных форм, если даже и вводилась в падежную парадигму, то все же никогда не вышлась до «нормы» с доминирующим употреблением в тот или иной период истории тюркских языков. В лучшем случае это был вариант, возникновением и существованием которого сопровождалось развитие тюркской падежной системы (точнее: ее части — локативных падежей) на определенном этапе. Чаще всего такой вариант имел целый ряд ограничений. Прежде всего, сочетания падежных аффиксов, пока еще не подвергшиеся морфологическому опрощению и переразложению, затрагивали область только местоименного склонения и посессивного типа склонения имен. Но и здесь сложные падежные варианты не были достаточно регулярными. В древнеуйгурском языке, например, для местн. падежа местоимений 1, 2 и 3-го лиц. ед. числа использовались (наряду с обычной, простой формой типа *mintä*, *sizdä*) плеонастические варианты *mintädä*, *sintädä* и даже *antadata*, а для тех же местоимений мн. числа употреблялись варианты иной серии — *bizintä/biznidä*, *sizintä/siznidä* [т. е. аффикс род. (вин.) падежа + аффикс местн. падежа]; в то же время сложная форма исх. падежа была одинакова для личных местоимений и ед. и мн. чисел — *minitin*, *sinitin*, *anŋŋŋin/antŋn*, *biznidin*, *siznidin* (ATG, стр. 91—94).

Все еще продолжая переживать в отдельных своих деталях по разным тюркским языкам эпизодические возвраты к усложнению, тюркская падежная система на протяжении многих веков в целом развивается «в направлении количественного сокращения падежей» (КП, стр. 61). В таких условиях естественно, что «рефлексы» аффиксальных комплексов (падежных по своему происхождению) в различных современных тюркских языках имеют чрезвычайно разрозненный, далеко не единообразный и, конечно, совершенно нерегулярный характер, смыкаясь лишь в том, что эти комплексы, чаще всего — застывшие, подвергшиеся морфологическому опрощению и переразложению и выделяемые только лингвистическим анализом, наблюдаются в местоименном склонении и в посессивном типе склонения имен. По-видимому, наибольшую близость к тому «переходному» состоянию тюркского склонения, которое зафиксировано, в частности, памятниками древнеуйгурской письменности, обнаруживает современная чувашская падежная система, которую А. И. Иванов характеризует как «ступенчатую, отражающую разные ступени развития склонения» (СЧЯ 1 — стр. 91); однако и здесь ограничения, налагаемые на усложнения падежных аффиксов, прогрессируют: уже не все личные местоимения склоняются на основе род. падежа, а только местоимения 1 и 2-го лиц. мн. числа и притом сложная форма употребляется наряду с простой (*пир-ён-те* и *пир-те* «у нас», *сир-ён-тен* и *сир-тен* «от вас»), и, если не считать посессивного типа склонения имен, «в группе существительных имеются только элементы вторичного склонения: присоединение к какой-нибудь падежной форме аффиксов одного — двух падежей» (СЧЯ 1 — стр. 88; 2 — стр. 123).

Рассмотренные выше факты позволяют внести поправку в утверждение В. Котвича о том, что «в современных тюркских языках исследователи не установили факт существования двойного склонения, и действительно,

³⁷ Х. А. М а ш а к о в, Човдурский диалект туркменского языка, Ашхабад, 1949, стр. 27; М. А т а д ж а н о в, Салырский диалект туркменского языка. Автореф. канд. диссерт., Ашхабад, 1959, стр. 11. Ахалские формы приводятся по материалам Х. Байлиева (см.: Ф. Д. А ш н и н, Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках. Канд. диссерт., М., 1956, стр. 90, 98).

в настоящее время о следах его существования можно говорить лишь в том случае, если рассматривать окончание *-layin* как элемент, состоящий из суффиксов сравнительного (*-lai*) и творительного (*-in*) падежей; вряд ли можно теперь рассматривать чувашский язык как «стоящий в этом смысле в стороне»; в то же время подтвердилась догадка ученого о том, «что раньше было иначе» (ИАЯ, стр. 182, 183).

Если учесть все вышеизложенное, не кажутся достаточно обоснованными категорические утверждения, как, например: «Попытка в некоторых учебниках видеть здесь [т. е. в посессивном типе именного склонения. — Г. Б.] двойное склонение, где *n* якобы остаток аффикса родительного падежа, ... конечно, несостоятельна»³⁸. Предложенная Н. К. Дмитриевым гипотеза «для объяснения аффикса *-ын*, параллельного аффиксу *-ы* в значении „его“ или „ее“», основана на допущении, что «аффикс принадлежности 3-го лица существовал первоначально в форме *-ын* и т. д. параллельно с *-сын*», где конечный *-н* был фонетически неустойчивым — в большинстве тюркских языков в одних позициях он отпадал (в основном падеже, «когда после аффикса принадлежности других аффиксов не было»), а в других — сохранялся («когда аффикс принадлежности был „прикрыт“ падежными аффиксами»)»³⁹. Таким образом, Н. К. Дмитриев исходил из того состояния посессивного типа склонения, которое сложилось после морфологического переразложения основы и сопровождавшего его опрошения показателя род. (вин.) падежа, относимого теперь в состав посессивной основы склонения. Именно поэтому явно комбинированный характер древнетюркских падежных форм личных местоимений, не претерпевших морфологического опрошения, не поддается объяснению с точки зрения этой гипотезы: формы типа *бизинтэ* сторонниками этой гипотезы либо трактуются как «соединение местоимения *биз* с аффиксом принадлежности и аффиксом местно-исходного падежа», либо — в древнеуйгурском, где такие формы на правах варианта уже вошли в падежную парадигму личных и указательных местоимений, — обходятся молчанием (ОЕП, стр. 35; ДУ, стр. 41, 42).

Между тем, склонение личных и указательных местоимений (несмотря на специфику эволюции местоимений) и посессивный тип именного склонения исторически обнаруживали в тюркских языках ряд общих черт⁴⁰,

³⁸ Н. К. Дмитриев, Категория принадлежности, ИСГТЯ, II, стр. 33. К «двойному склонению», как и к любым другим сочетаниям аффиксов той же грамматической категории словоизменения в пределах одной словоформы, Н. К. Дмитриев относился скептически (см. его «Грамматику башкирского языка», М. — Л., 1948, стр. 184). Во всяком случае, отмечая в кумыкском явно плеонастическую форму исх. падежа «*герден-тин* „с земли“, „не задевая земли“, где исходный падеж выражен два раза: новым аффиксом *-ден* и архаичным *-тин* одновременно», он подчеркивал, что аффикс *-тин* здесь «функционирует как своего рода послелог» (Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, стр. 57).

³⁹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 65; его же, Категория принадлежности, стр. 33. В. М. Насилов (ОЕП, стр. 33), отмечая, что «правильность гипотезы относительно полной формы аффикса принадлежности (*-сын/-син*, *-ын/-ин*), видимо, подтверждается», сообщает далее, что «в текстах имеется достаточное количество примеров на данную форму». Однако, как явствует из приводимых им примеров и его собственного комментария к ним («Особенно отчетливо полная форма видна в косвенных падежах, где аффикс принадлежности перед аффиксом падежа не утрачивает своего конечного *-н*», — ОЕП, стр. 33, ср. стр. 32), речь идет о случаях, допускающих двоякую трактовку.

⁴⁰ Ср., например, замечание Н. К. Дмитриева о том, что на «смешанный тип склонения, который присущ кумыкским формам принадлежности», «оказал влияние особый тип склонения местоимений (личных и указательных)» («Грамматика кумыкского языка», стр. 66). В якутском показател вин. падежа для посессивного типа склонения *-ын* (ср. *-ы*, *-ны* для «безличного склонения») можно выделить в формах вин. падежа местоимений 1-го лица ед. числа *миигин* и 2-го лица ед. числа *эйигин* (см.: ЯН СССР, II, стр. 409, 412). В языке древнетюркской письменности показатель вин. падежа *-ы* е, *-ы* и мог служить для оформления «любых имен, за исключением местоимений и посессивных форм имен» (КП, стр. 53).

среди которых важное место занимала, как это было показано выше, способность к сочетаниям падежных аффиксов⁴¹. Уже поэтому своеобразие современного посессивного типа именного склонения в большинстве тюркских языков, как и частично зафиксированные документально особенности эволюции местоименного склонения, требуют единообразного объяснения с точки зрения исторического развития тюркского падежного склонения, переживающего на определенных этапах тенденцию к усложнению, которое, однако, не получило своего завершения и дало по разным тюркским языкам свои разрозненные «рефлексы».

Обращение к материалам монгольских и тунгусо-маньчжурских языков показывает, что в отношении возможности сочетать падежные аффиксы и использовать некоторые из таких аффиксальных комплексов в качестве «строительного материала» для усложненной парадигмы склонения тюркские языки отнюдь не занимали и не занимают изолированного положения и могут быть поставлены в один ряд с другими алтайскими языками. Примечательно, что в алтайских языках можно найти в принципе те же две основные строевые модели усложненного склонения, что и в тюркских языках: в одной из этих моделей основой выступает род. падеж («I тип усложнения»), в другой — почти любой локативный падеж («II тип усложнения»).

II. «Двойные падежи» в монгольских языках. Наиболее наглядным образом сочетания однокатегориальных аффиксов в пределах одной словоформы наблюдаются в так называемом двойном склонении имен и местоимений в монгольских языках. Такие сочетания обнаруживаются здесь не только при лингвистическом анализе — они представляют собою живую, своеобразную черту падежного склонения не только в классическом письменном монгольском, но и в современных монгольских языках.

В наиболее полном, «идеальном» виде двойное склонение представлено в калмыцком языке. В этом языке можно выделить три разновидности «серий» двойного склонения: в 1-й серии основой склонения служит форма генитива, в другой (1а) — форма комитатива, в последней (1б) — форма инструменталиса; от формы дат.-местн. падежа образуется только форма исх. падежа⁴². Приведем парадигмы «двойного склонения» в калмыцком (по У. Пошу):

1 серия

Genetiv	-in	Gen.-Abl.	-ināyās
Gen.-Akk.	-inīg	Gen.-Komit.	-intā
Gen.-Lok.	-inādə	Gen.-Soziativ	-inlā
Gen.-Inst.	-inäyar		

⁴¹ «Рефлексы» этих исторически общих черт двух типов падежной парадигмы частично могут быть обнаружены по разным тюркским языкам. В местоименном склонении ряда тюркских языков и диалектов как вариант показателя дат.-напр. падежа (для ограниченного числа, главным образом, указательных местоимений) сохраняется застывший остаток древней комбинации падежных аффиксов -*əa-ru*, например: кумык. *оғар, бугъар, шугъар, шогъар*, караймск. *анар*. Тот же аффикс *əa-ru* с вариантами -*əar*, ... -*ar*, -*ər*... встречается... в якутском языке при посессивных формах имен» (КП, стр. 50). В якутском также показатель сравн. падежа -*нааһар* посессивного типа склонения (ср. -*тааһар* в «безличном склонении») вычленяется в соответствующих падежных словоформах местоимений 1 и 2-го лиц ед. числа *миигиннэвэр, эйигиннэвэр*, показатель совместного падежа -*ныһы* того же типа склонения (ср. -*лыһы* в «безличном склонении») — в соответствующих словоформах тех же личных местоимений *миигинниһи, эйигинниһи* (ср. ЯН СССР, II, стр. 409, 412).

⁴² См.: ИАЯ, стр. 182; U. Posch, Das Kalmükische und verwandte Dialekte, «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd. V, 2 — Mongolistik, Leiden — Köln, 1964, стр. 217—218; ЯН СССР, V, стр. 40.

1а серия

Komit.	-tā	Komit.-Abl.	-tāyās
Komit.- Gen.	-tā-gin	Komit.-Komit.	-tātā
Komit.-Dat. Lok.	-tādv	Komit.-Soziativ	-tālā
Komit.-Akk.	-tāg		

1б серия

Instr.	-ār	Instr.- Instr.	ārāyār
Instr.-Gen.	-ārīn	Instr.- Abl.	-ārāyās
Instr.- Akk.	-ārīg	Instr.-Komit.	-ārātā
Instr.- Dat. Lok.	-ārādā	Instr.- Soziativ	-ārlā

«Двойное склонение» в калмыцком (как и в других монгольских языках) связано с появлением дополнительных корреляций — так, «обычно имена существительные в двойном склонении с основой в род. падеже указывают на местопребывание (дом, семья) лица, а с основой в совместном падеже — на объектно-обстоятельственные отношения» (ЯН СССР, V, стр. 40), т. е. падежная форма в заметной мере утрачивает свое падежное значение, приобретая значение, близкое к словообразовательному⁴³.

В других монгольских языках и особенно в диалектах формы «двойного склонения» широко распространены, однако они не составляют здесь столь стройных парадигм, как в калмыцком.

1. В современном монгольском языке и бурятском с говорами 1-я серия (или I тип усложнения; основа — род. падеж) обнаруживает ограничения как в своем лексическом охвате, распространяясь только на имена лиц и на личные местоимения, так и в самой возможности для род. падежа сочетаться лишь с отдельными падежами: здесь от «генитивовоподобной» основы производятся только осложненные дополнительными корреляциями дат.-мест. и исх. падежи (в хамниганском говоре бурятского языка — еще и орудн. падеж); в ойратском на основе род. падежа производится только исх. падеж, в ордосском диалекте — наряду с дат.- местн. еще и напр. падеж (в хамниганском говоре последний образуется на базе вин. падежа)⁴⁴. Возможно, «добавочный звук *н*», как и «аффикс *-ээн*», через посредство одного из которых к личным местоимениям мн. числа и указательным местоимениям присоединяются показатели парадигматических косвенных падежей в бурятском, также допустимо рассматривать в связи с «генитивовоподобными» основами (ср. варианты показателя род. падежа в этом языке: *-ын*, *-ийн*, *-н*, *-ай*, *эй*, *-ой*, *-эай*...); еще более явственно связана с «генитивовоподобной» основой супплетивная часть склонения бурятского местоимения 1-го лица мн. числа. См.:

им. <i>бидэ</i> «мы»	орудн. <i>бидэнээр</i> , <i>манаар</i>
род. <i>бидэнэй</i> , <i>манай</i>	совм. <i>бидэнтэй</i> , <i>мантай</i>
дат. <i>бидэндэ</i> , <i>манда</i>	исх. <i>бидэнхээ</i> , <i>манхаа</i>
вин. <i>бидэнийе</i> , <i>манийе</i>	напр. <i>бидэнруу</i> , <i>манруу</i>

(ЯН СССР, V, стр. 24; ГБЯ, стр. 142, см. также стр. 76, 139, 143).

⁴³ Только в дунсянском языке, на манер тюркских, возникновение таких дополнительных корреляций закрепляется присоединением к «генитивовоподобной» основе особого суффикса *-гун*: *аба-ну-гун-сэ* «от принадлежащего отцу» (Б. Х. Тодоев в а, Дунсянский язык, М., 1961, стр. 22).

⁴⁴ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, М., 1953 (далее — СГМ), стр. 177; «Грамматика бурятского языка», М., 1962 (ГБЯ), стр. 91; «Исследование бурятских говоров», 1, Улан-Удэ, 1965 (ИБГ), стр. 135; 2 — 1968, стр. 101; см. также: «Handbuch des Orientalistik» I, V, 2, стр. 128—129, 113; G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 37 и сл.; Н. Н. Попов, Аларский говор, JL, 1930, стр. 84 и др.

Подсерия 1а (основа — совместный падеж) в современном монгольском и бурятском охватывает падежи дат.- мест., вин. и орудн.⁴⁵

2. Остатки (или зачатки) моделей II типа усложнения склонения, основой в которых служили локативные падежи — местн. или дат., разбросаны по всем монгольским языкам. Показатель собственно дат. падежа *-ду* этимологически вычленился в сложном по своей природе формативе дат.-местн. падежа *-дур* классического языка (дат. пад. *-ду* + мест. пад. *-р*); точно так же показатель местн. падежа выделяется в форматах орудн. падежа на *-[з]а + р* и исх. на *-ā + ча* (*-hā ~ -cā*) (СГМ, стр. 177, 173, 170). Стоящее за пределами современной падежной парадигмы сочетание дат.-местн. падежа с исх. отмечается в ордосском и ойратских диалектах, в калмыцком и бурятском языках (в последнем — в одной только словоформе *гэр-тэ-нэз* «из дома», см. ГБЯ, стр. 91; ЯН СССР, V, стр. 18); оно было широко распространено также в монгольском классическом языке раннего периода (СГМ, стр. 177). Важную роль дат.- мест. падежа в бурятском супплетивном склонении личного местоимения 1-го лица ед. числа (основа этого падежа активно участвует в образовании почти всех косвенных падежей), вероятно, тоже можно рассматривать как реликт ныне утраченной серии склонения. См. бурятскую парадигму:

им. би «я»	орудн. <i>намаар^г</i>
род. <i>миньчи</i>	сбвм. <i>нантай</i>
дат.-местн. <i>намда</i>	исх. <i>намһаа</i> (ГБЯ, стр. 139;
вин. <i>намай, намайе</i>	ИБГ, стр. 172, 138—139).

III. Сложные падежные показатели в тунгусо-маньчжурских языках. Типападежному склонению маньчжурского языка не свойственно использование аффиксальных комплексов. Тем не менее, в склонении маньчжурских личных местоимений, формы ед. числа которых обнаруживают материальную близость к соответствующим монгольским местоимениям⁴⁶, можно отметить строевую черту, сопоставимую с особенностью склонения, например, бурятского местоимения 1-го лица мн. числа: здесь, как и в бурятском, основой косвенных падежей выступает форма род. падежа (т. е. налицо I тип усложнения):

им. би «я»	<i>су(в)э</i> «вы»
род. <i>миньчи</i>	<i>су(в)эни</i>
дат. <i>миньдэ</i>	<i>су(в)эньдэ</i>
вин. <i>миньбэ</i>	<i>су(в)эмбэ</i>
исх. <i>миньчи</i>	<i>су(в)эньчи</i> ⁴⁷ .

В тунгусских языках, напротив, представлен, в основном, II тип усложнения падежной парадигмы: группа локативных падежей современной тунгусской падежной системы развилась на базе «комбинации ранее уже существовавших первоначальных падежных форм», и современные, например, эвенкийские «падежные формы в большинстве своем представляют собой сросшиеся суффиксы двух и даже трех первоначальных падежей»⁴⁸.

Наиболее наглядным образом такие аффиксальные комплексы вычленились Е. П. Лебедевой — в показателях всех восьми или даже девяти эвенкийских локативных падежей она усматривает сросшиеся сочетания

⁴⁵ Б. Х. Тодоева, Грамматика современного монгольского языка, М., 1951, стр. 74; ГБЯ, стр. 91.

⁴⁶ См. об этом: А. А. Дарбеева, О личных местоимениях 3-го лица в монгольских языках, ВЯ, 1970, 1, стр. 115.

⁴⁷ Б. К. Пашков, Маньчжурский язык, М., 1963, стр. 30.

⁴⁸ Е. П. Лебедева, Наречия места в эвенкийском языке, М.—Л., 1936 (далее — НМЭ), стр. 40.

одних и тех же пяти первоначальных падежных (главным образом — локативных) суффиксов: «1. *-du*, служащий формой *dativi*, входит в состав суффикса, оформляющего *ablativus*, входит в состав суффиксов *locativi* и *prolativi*, когда последние употребляются в форме *-dulā* и *-duli*; 2. элемент *-ki*, который встречается самостоятельно у эвенкийских наречий *soloki* „вверх“ (по реке), *ajəki* „вниз“ (по реке), входит в состав *ablativi* (суффикс которого в полной форме *-duki*), входит в состав *allativi* (суффикс *-tki* ~ *-tiki*), *directivus-locativi* (суффикс *-klā*), *directivus-prolativi* (суффикс *-klī*), в форме *elativi* чаще встречается в виде *-gi* (суффиксы *elativus* *-git* ~ *-kīt* ~ *-ŋīt* — *-gizi* — *-ŋizi* ~ *-kīzi*), но после глухих и в виде *-ki*, он же участвует в суффиксе *delativi* *-lāk* у наречий места; 3. элемент *-lā* находим в форме *locativi* *-lā*, *-dulā*, в форме *directivus-locativi* *-klā*, *-duklā*, в форме *delativi* *-lak*; 4. элемент *-lī* является суффиксом *prolativi*, участвует в форме *directivus-prolativi* *-klī*; 5. элемент *-ti* ~ *-zi* мы имеем в *ablativi* (*-tiki*) и *elativi* (*-gīt* ~ *-giz*). Элемент *-ti* ~ *-t* ~ *-zi*, по-видимому, полностью совпадает с формой *instrumentalis*» (НМЭ, стр. 38).

В остальных тунгусских языках — как сибирской (эвенский, негидальский), так и амурской подгруппы (нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгейский) также на базе дат. падежа с показателем *-du/-dū* (в орокском — это местный I падеж) исторически была образована целая группа локативных падежей: местн. падеж на *-dū/-lal/-dū-lə* во всех этих языках, продольный падеж на *-dū-lu/-dū-lū* (ЯН СССР, V, стр. 73, 93, 113, 134, 155, 176, 196, 215), отложит. падеж на *-dū-ккай* в негидальском, исх. падеж на *-dū-ки* в орокском, отложит. падеж на *-dūgi/-digi* в удэгейском (ЯН СССР, V, стр. 113, 176, 215). Кроме того, в эвенском, как и в эвенкийском, показатели напр.- местн. и напр.- продольного падежей представляют собой сращения соответственно *-к-ла* и *-к-лū* (ЯН СССР, V, стр. 93). В нанайском и ульчском исх. падеже можно обнаружить историческое напизывание двух показателей твор. падежа — нанайск. *du-a-du/-du-ə-du* (твор. пад. *-du*), ульч. *-zi-zi/-zu-zu* (твор. пад. *-zi/-zu*) (ЯН СССР, V, стр. 134, 155).

Следует особо заметить, что сросшиеся сложные падежные суффиксы в тунгусских падежных парадигмах обладают неодинаковой степенью регулярности. Сложные показатели отложит. падежа *-dū-к*, напр.- местн. падежа *-к-ла*, исх. падежа *-ки-т*, напр. падежа *-т(ы)-ки* присоединяются к любой основе имен существительных. В то же время на употребление аналогичных по своему строению показателей местн. падежа *-dū-lā*, продольного падежа *-dū-lū* и некоторых других наложены ограничения фонетического порядка.

В тунгусских языках изредка наблюдаются и непарадигматизованные сочетания живых падежных аффиксов — так, в говоре полигусовских эвенков Байкитского района Эвенкийского нац. округа «к существительному в совместном падеже может присоединяться суффикс другого падежа»⁴⁹.

IV. Уральские «вторичные» падежи. Исторически вскрываемая возможность комбинировать падежные аффиксы внутри одной словоформы и ее современные «рефлексы» объединяют тюркские языки не только с алтайскими, но и с уральскими языками. Уральские «первичные» падежи, по признанию исследователей, явились тем фундаментом, на котором позднее

⁴⁹ См.: О. А. Константинова, Категория имени существительного, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 111, 1955, стр. 156. Ср. также: ИАЯ, стр. 183; Н. W i n k l e r, Die altaische Völker- und Sprachwelt, Leipzig — Berlin, 1921, стр. 52; G. J. R a m s t e d t, указ. соч., стр. 34; Н. Н. П о п п е, Материалы для исследования тунгусского языка, стр. 6; его же, Материалы по солонскому языку, стр. 113, 114.

развились «вторичные» падежи — в показателях таких падежей при помощи метода расчленения формантов усматриваются застывшие аффиксальные комплексы; в частности, «падежная система пермских языков долгое время развивалась путем контаминации различных падежных окончаний, в результате чего создавались комплексы падежных окончаний» (ИМПЯ, стр. 31). Происходили также переразложения, отодвигавшие один из сочтавшихся суффиксов в состав основы. В то же время до сих пор в отдельных уральских языках возможны свободные, непарадигматизованные сочетания живых падежных суффиксов.

1. В финно-угорских языках пути сложения вторичных падежных форм, как это отмечал Д. В. Бубрих, были самыми различными (ИМФЯ, стр. 25).

А. В прибалтийско-финских и волжских языках немаловажной была, по-видимому, в этом роль генитива (I тип усложнения). В карельском языке генитив обнаруживается в основе форм таких падежей, как апроксиматив, эгрессив, комитатив в ед. и мн. числах [например, *hammaš* «зуб», ген. ед. *hambahan*, комит. ед. *hambahanke(na)*, ген. мн. *hambahin*, комит. мн. *hambahinke(na)*] ⁵⁰. В эстонском «на основе генитива мн. числа (имеющего признак *-de*, *-te* или *-e*. — Г. Б.) образуются все формы мн. числа, начиная с иллатива, например, *jalgade* [ген.], *jalgade-sse* [илл.], *jalgade-s* [инесс.], *jalgade-ta* и др.» при номинативе мн. числа *jala-d* «ноги» (ЯН СССР, III, стр. 43). В водском языке к форме генитива присоединяется аффикс комитатива (например, во мн. числе: *mā-D* «зёмли», ген. *mad'd'ē*, комит. *mad'd'ē-kā*), а показатель терминатива *-ssā* — к форме иллатива (илл. *ma-i-sē*, терм. *ma-i-sē-ssa*) (ЯН СССР, III, стр. 122).

В мордовских языках форму генитива можно усмотреть в основе датива (*сёрма* «письмо», ген. мокш. и эрз. *сёрма-нь*, дат. эрз. *сёрма-н-ень*) и каузатива (мокш. *сёрма-н-кса*, ср. транслатив мокш. и эрз. *сёрма-кс*) (ЯН СССР, III, стр. 173).

В пермских языках такой способ образования форм косвенных падежей представлен только в склонении личных местоимений 1 и 2-го лиц мн. числа, причем довольно неравномерно по отдельным языкам и говорам. В литературном коми языке, основанном на присыктывкарском говоре, все формы косвенных падежей местоимений *mi* «мы» и *ti* «вы» «закономерно образованы от форм род. падежа *mijan* и *tijan*»: дат. пад. *mijan-ly* «нам», *tijan-ly* «вам»; вин. пад. *mijan-ōs* «нас», *tijan-ōs* «вас»; соед. пад. *mijan-kōd* «с нами», *tijan-kōd* «с вами», отдалит. пад. *mijan-šai* «от нас», *tijan-šai* «от вас»; в удмуртском, ижемском, вымском говоре коми-зырянского наречия и в удмуртском языке подобным образом произведенные формы косвенных падежей употребляются наряду с формами тех же падежей, образованными от неосложненных основ *mi* и *ti* (ИМПЯ, стр. 198, 196).

Из обско-угорских языков в мансийском для личных местоимений формы вин. падежа *ap-ut* «меня», *paṭ-ap* «тебя», *tav-e* «его» служат основой для образования всех форм косвенных падежей; так, дат. падеж «образуется путем присоединения к форме вин. падежа суффикса дат.-напр. падежа *-n*, *-ne*, например, *aput-n* „мне“, *paṭap-ne* „тебе“, *tave-n* „ему“» (ИМПЯ, стр. 187).

Б. В многопадежных финно-угорских языках основную массу падежей составляют локативные падежи; среди них значителен удельный вес вторичных так называемых «внутреннеместных падежей» и «внешнеместных падежей», чьи показатели представляют собой застывшие сочетания формантов разных локативных падежей (см.: ОЛУ, стр. 63, см. стр. 9—68).

⁵⁰ См.: П. А. Л. в. р. е., О развитии падежных форм генитива мн. числа в карельском языке, «Emakeele seltsi aastaraamat», 12, Tallinn, 1966, стр. 146. См. также: ЯН СССР, III, стр. 66.

Важную роль сыграл, например, *n*-овый латив в истории ряда вторичных падежей — финских адессива на *-llen* и имлатива на *-hen*, марийских датива на *-лан* и собственно-местного падежа на *-штэ* (<**-снэ*); коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского прилжит. падежа на *-лан*; эрзя-мордовского дат. падежа на *-ñen*⁵¹. Финские и мордовские внутренне-местные падежи характеризуются общим формантом *-s* (ЯН СССР, III, стр. 20; ср. ИММЯ, стр. 35, 36). Древний иллатив на **-s* «в ранний период развития прибалтийско-финского языка-основы... был базой, на которой строились инессив на **-s-na* (**kala-s-na*) и эллатив на **-s-ta* (**kala-s-ta*)» (*kala* «рыба») (ЯН СССР, III, стр. 30). Аблатив с элементом *s'* широко вскрывается в составе сложных падежных аффиксов в пермских языках; в марийском он вошел в состав местн. падежа на *-ште* (<**-сте*), напр. на *-шке* (<**-ске*), обстоят. на *-эш* (<**-ес*)⁵². Отложительный падеж мордовских личных местоимений, в показателе которого вычленяется помимо аффикса этого падежа *-de* еще и соответствующий притяжательный формант, характеризуется особенной усложненностью для мокшанских местоимений — в них «суффикс отложительного падежа с разной огласовкой повторяется дважды. Причину повторения следует искать в переразложении основ»; например: ед. число 1-е лицо *тоñ-də-ðə-n*, 2-е лицо *тоñ-de-də-t*, 3-е лицо *соñ-də-də-nza* (ИММЯ, стр. 84, 85, 87, 81 и 94, 95, 96).

В обско-угорской подгруппе в ваховском диалекте хантыйского языка, насчитывающем восемь падежей, факультативная форма напр. падежа, по мнению Н. И. Терешкина, была образована «от основы с суффиксом косвенного — направительно-целевого — падежа на *-ä, -a*: *jaŋ-a-na* „к людям“»⁵³. В мансийском языке, где падежная парадигма насчитывает шесть падежей, застывшее сочетание аффиксов можно усмотреть в показателе исходного падежа *-н-ыл* «безличного склонения» ед. числа, ср.: *кол* «дом», напр. пад. *кол-н*, твор. пад. *кол-ыл*, исх. пад. *кол-н-ыл* (ЯН СССР, III, стр. 346).

2. В самодийских языках сочетания падежных аффиксов усматриваются, главным образом, в локативной части именного «безличного» склонения (II тип усложнения). Изучаемое явление наиболее характерно для селькупского языка, который своеобразием падежной парадигмы выделяется среди остальных самодийских языков (ЯН СССР, III, стр. 368). В селькупском основном склонении в ед. числе аффиксы назначит.-преврат., «местного и отложительного падежа существительных, обозначающих одушевленные предметы, присоединяются не непосредственно к основе имени, а к форме род. падежа: *лоқа* «лисица», род. пад. *лоқа-т(-н)*, назнач.-преврат. пад. *лоқа-т-қо*, местн. *лоқа-н-мықыт(-н)*, отл. пад. *лоқа-н-нан(ы)*; аффикс дат. падежа двойств. и мн. числа *-кини* обычно также присоединяется к форме род. падежа (двойств. или мн. числа)⁵⁴. По мнению

⁵¹ ИМФЯ, стр. 20 и примеч. В. И. Лыткина, стр. 47; И. С. Г а л к и н, Историческая грамматика марийского языка, ч. II, Йошкар-Ола, 1966, стр. 155; ОЛУ, стр. 25.

⁵² В. И. Л ы т к и н, Примечания..., стр. 8; И. С. Г а л к и н, указ. соч., стр. 155. Наименьшую сращенность показатель *-škə* обнаруживает в яранском говоре марийского языка, где латив на *-š* и иллатив на *-š* — живые падежные формы (см.: Г. Т у ж а р о в, О некоторых падежах в яранском говоре марийского языка, СФУ, 1965, 2, стр. 84). Непарадигматизованные сочетания живых падежных аффиксов наблюдаются и в других пермских языках, так, например, «в языке коми окончание [прилжит. падежа — Г. Б.] *-lai* легко соединяется с окончанием других местных падежей» (ИМПЯ, стр. 50, см. также стр. 13, 48).

⁵³ Н. И. Т е р е ш к и н, Очерки диалектов хантыйского языка, М.—Л., 1961, стр. 46.

⁵⁴ ЯН СССР, III, стр. 400. Э. Г. Беккер, усматривая в местн. падеже две разновидности — местно-временной и местно-личный, полагает, что только в местно-личном падеже, образуемом исключительно от существительных одушевленных, «выступает тип двойного склонения», — «оформителем выступает суффикс *нан*, присоединяемый к

Б. А. Серебренникова, показатели селькупских напр. и напр.-дат. падежей (А. И. Кузьмина считает их одним — дат. падежом) *-нык* и *-нды* составлены из двух и даже трех суффиксов (*-нык* — из «трех лативных суффиксов *-n*, *-i* и *-k*», ОЛУ, стр. 23, 24); еще более очевиден составной характер приводимых А. И. Кузьминой «индивидуальных вариантов» этих показателей — *-гынты*, *кындъ*, *-кындыт* и др.⁵⁵ В суффиксе нганасанского местн. падежа *-tani* усматриваются два омертвелых суффикса локатива: «суффикс локатива *-t* (нганасанск. *-ta*) и суффикс локатива *-na* (нганасанск. *-ni*)», например, *turku-ta-ni* «в озере» (ОЛУ, стр. 19).

Следы I типа усложнения можно заметить в строении продольного падежа. В нганасанском продольный падеж во мн. числе образуется по модели: «род. пад. мн. ч. + суффикс *-мэну*» (ЯН СССР, III, стр. 424). Точно так же строится этот падеж во мн. числе и в ненецком языке: род. пад. мн. числа + суффикс *-мана*. Кроме того, в ненецком, где обычно падежные суффиксы присоединяются непосредственно к основам, в числе исключений отмечен также суффикс род. падежа мн. числа — он присоединяется к форме вин. падежа мн. числа (ЯН СССР, III, стр. 379).

V. В ряде языков разных групп, территориально соприкасающихся с урало-алтайским ареалом или исторически тяготеющих к нему, также обнаруживаются сочетания падежных аффиксов — разной степени сращенности и с разным удельным весом в истории развития падежных систем таких различных языков или же в современном состоянии их падежного склонения.

1. В корейском отмечен «ряд составных падежей, как то: 1) дательный местный (где, откуда): *e-zə*, 2) творительный местный (откуда): *ro-zə*, 3) творительный исходный (откуда): *ro-buthə*, 4) местный исходный (откуда): *zə-buthə*, 5) предельный дательный (к какому времени): *kadi-e*»; ср. также комбинацию «*-ru* + окончание дат. падежа»⁵⁶. Только для имен, обозначающих лица или живые существа, «формально дат. падеж представляет собой местный, образованный от родительного», например: *сарам* «человек», род. пад. *сарамый*, дат. пад. *сарамыйге* (ГКЯ, стр. 66, ср. БАЯ, стр. 35). Хорошим примером непарадигматизованного сочетания падежных окончаний, из которых живыми являются аффиксы твор. пад. *-ро* и эссива *-сө*, Г. И. Рамстедт считал словоформу *сарам-ый + ге-ро-сө* (ГКЯ, стр. 69).

2. В японском языке XVI—XVII вв., насчитывавшем до десяти падежей, были довольно обычны непарадигматизованные сочетания живых падежных аффиксов (чаще всего — послеложного происхождения); эти сочетания имели строго специализованное назначение. Примечательно, что в таких сочетаниях непосредственно примыкающим к основе обычно был показатель любого из локативных падежей (т. е. II тип тенденции к усложнению); способность к нагнетению падежных суффиксов в пределах словоформы частично сохраняется и в современном японском, особенно — разговорном языке⁵⁷.

форме род. падежа» (Э. Г. Беккер, Формы и функции местного падежа в селькупском языке, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1969, стр. 78).

⁵⁵ А. И. Кузьмина К вопросу о склонении в селькупском языке, там же, стр. 74.

⁵⁶ А. А. Холодович, Строй корейского языка, Л., 1938, стр. 31.; см. также: Г. И. Рамстедт, указ. соч., стр. 46; е го же, Грамматика корейского языка, М., 1951 (ГКЯ), стр. 68, 69.

⁵⁷ См.: Н. А. Сыромятников, Становление новояпонского языка, М., 1965, стр. 166, 192—193, 201, 209—210, 213, 220, 241, 223, 225; см. также стр. 171, 194, 206, 222; О. В. Плетьер, Е. Д. Поливанов, Грамматика японского разговорного языка, М., 1930, стр. 4; ср. также: М. Киэда, Грамматика японского языка, I, М., 1958, стр. 508.

3. Зачатки II типа усложнения можно найти в нивхском, который, по мнению В. З. Панфилова, «и типологически, и материально тяготеет к алтайским языкам»: здесь «имя может быть одновременно оформлено показателями дательного-направительного [-*px*] и предельного [-*ршыкы*] падежей»: *эри-ршыкы-px* «до речки»⁵⁸.

4. В юкагирском, о характере отношений которого к урало-алтайским языкам до сих пор ведутся споры, Е. А. Крейнович вычленил в падежном склонении комбинации живых и уже омертвелых показателей, главным образом, локативов⁵⁹ (II тип усложнения).

5. В кетском локативные падежи признаются «производными от формы притяжательного падежа», являя собой, таким образом, I тип усложнения:

притяж.	- <i>да</i> ,	- <i>т(-ди)</i>
дат.	- <i>данга</i> ,	- <i>динга</i>
местно-личн.	- <i>дангт</i> ,	- <i>дингт</i>
исх.	- <i>дангал'</i> ,	- <i>дингал'</i>
назначит.	- <i>дат</i> ,	- <i>дит</i> ⁶⁰ .

В самой последней работе В. Н. Топорова такая «особенность иерархической организации в склонении имени», как «использование род. падежа как основы для образования регулярных парадигматических косвенных падежей — дательного, местного, отложительного», приводится в числе других типологических черт, на базе которых сближаются кетский язык и бурушаски⁶¹ — язык, затерянный в горах Гиндукуша и пока не включенный лингвистами ни в одну из языковых групп. Однако исследования И. И. Зарубина, Г. А. Климова и Д. И. Эдельмана показывают, что в бурушаски с его трехпадежной системой склонения (номинатив, эргативно-косвенный, совмещающий и генитив, иногда — особый генитив) указанная В. Н. Топоровым «особенность склонения» сводится к сочетанию одного из архаических вариантов показателей аблатива с тем или иным еще живым послелогом, зачастую еще не утратившим своей связи с наречием⁶².

Таким образом, в языках, тяготеющих к урало-алтайской типологической зоне, представлен или I или II тип усложнения (либо: тенденции к усложнению) падежного склонения и реже (в корейском) — оба этих типа.

VI. Сочетания падежных показателей — живые или омертвелые — обнаруживаются также в ряде языковых групп, генетически и территориально не связанных ни между собой, ни с урало-алтайской типологической зоной.

1. Рассматриваемое явление известно в кавказских языках, морфологический тип которых в целом характеризуется как агглютинативный (ЯН СССР, IV, стр. 10), — однако не во всех этих языках, а чаще всего в тех из них, где налицо сильно развитые падежные парадигмы, т. е. в нахских и дагестанских. В картвельском склонении (6—9 падежей) I тип усложнения представлен парадигматизованными «сложными падежными

⁵⁸ В. З. Панфилов, О происхождении склонения в нивхском языке, ВЯ, 1963, 3, стр. 82, 76; его же, Грамматика нивхского языка, ч. I, М.—Л., 1962, стр. 3.

⁵⁹ Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, стр. 53—55, 59, 57, 61—62, 52, 67.

⁶⁰ А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 70, 71; см. также: В. Н. Топоров, О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях, «Вопросы структуры языка», М., 1964, стр. 125 и сл.

⁶¹ В. Н. Топоров, К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», стр. 219.

⁶² И. И. Зарубин, Верхниское наречие канджутского языка, Л., 1927, стр. 296, 298; Г. А. Климов, Д. И. Эдельман, Язык бурушаски (в печати); ср.: D. L. R. Logisier, The Burushaski language, I, Oslo, 1935, стр. 74, 82, 75, 86, 94, см. также стр. 84, 95.

образованиями», в которых род. падеж «служит основой для образования серии производных падежей» — например, отложит. и целевого; за пределами падежной парадигмы остается «возможность повторного склонения имени, стоящего в форме род. падежа» (конструкция так называемого «род. падежа с отношением») ⁶³.

I тип усложнения представлен наиболее ярко в ингушском языке (нахская подгруппа), где основой для образования регулярных парадигматических косвенных падежей (за исключением эргативного) служит форма род. падежа, см.:

им. <i>юрт</i> «село»	вещ. <i>юрт-а-х</i>
род. <i>юрт-а</i>	местн. <i>юрт-а-га</i>
дат. <i>юрт-а</i>	нск. <i>юрт-а-га-ра</i>
твор. <i>юрт-а-ца</i>	транз. <i>юрт-а-га-гТолла</i> (ЯН СССР, IV, стр. 215).

В говорах чеченского языка, относящегося к той же подгруппе, I тип усложнения сосуществует со специфично кавказским типом, при котором «склоняемой основой» является форма эргативного падежа ⁶⁴. Из дагестанских языков I тип усложнения представлен в лакском языке, где «четырьмя основными падежными формами, от которых образуются все остальные падежи ед. и мн. числа», признан наряду с им. падежом ед. и мн. числа также род. падеж ед. и мн. числа, причем форма мн. числа род. падежа производится «не от формы мн. числа, а от формы род. падежа ед. числа» ⁶⁵. Чаще же всего основой для образования косвенных падежей в дагестанских языках (в даргинском, кубачинском, табасаранском, агульском, лезгинском, аварском) служит эргатив ⁶⁶.

II тип усложнения весьма широко представлен в нахских и дагестанских языках, где число производных локативных падежей варьируется не только по языкам, но даже по диалектам одного языка (ИСУД, стр. 7), достигая, например, в табасаранском рекордного количества (42). Строевым приемом при образовании такого количества локативных падежей служит нанизывание локативно-падежных показателей один на другой; если при этом учесть, что в основе падежных систем ряда нахских и дагестанских языков лежит форма род. или эргативного падежа, то в пределах словоформы того или иного производного локативного падежа можно обнаружить нагнетение трех падежных аффиксов ⁶⁷.

2. В новоиндоиранских языках — хинди, цыганском, ваханском, курдском и др. — сложилось агглютинативного типа именное склонение: в качестве основы в нем выступает форма косвенного (или вин.) падежа, к которой присоединяется послеложный по своему происхождению фор-

⁶³ Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962, стр. 93 и сл., 98, 124 и сл.

⁶⁴ См.: Н. С. Бибулатов, Типы склонения имен существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка. Автореф. канд. диссерт., Тбилиси, 1967, стр. 10, 11, 17, 18.

⁶⁵ Л. И. Жирков, Лакский язык, М., 1955 (далее — ЛЯ), стр. 32, 31.

⁶⁶ См.: А. А. Магомедов, Кубачинский язык, Тбилиси, 1963, стр. 93—95 и сл.; Ф. О. Абакарова, Именное склонение в уркарахском диалекте даргинского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1956 (далее — ИСУД); Б. Г.-К. Ханмагомедов, Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков. Автореф. канд. диссерт., Махачкала, 1958, стр. 5, 18 и сл.; А. Р. Чикобава, К истории образования эргатива в аварском языке, «Иберийско-кавказское языковедение», II, Тбилиси, 1948, стр. 115; ЯН СССР, IV, стр. 260.

⁶⁷ См., например: Б. Г.-К. Ханмагомедов, Система местных падежей в табасаранском языке, [Махачкала], 1958; ИСУД, стр. 7 и сл.; ЛЯ, стр. 39 и сл.; ср.: ЯН СССР, IV, стр. 195, 215, 231.

матив⁶⁸. Такое усложнение падежной парадигмы рассматривается как инновация позднего времени⁶⁹, которую, по-видимому, следует связывать с появлением черт агглютинативности в новоиндоиранских языках.

*

Итак, в падежном склонении (и его периферии) целого ряда как родственных языков, так и языков разных систем в той или иной мере наблюдаются сопоставимые морфологические структуры. Их сопоставимость тем очевиднее, что в разных языках обнаруживается общность строевых моделей, по которым происходит усложнение склонения: в одних из них основой выступает грамматический падеж (чаще всего — род. или вин.), в других — почти любой локативный падеж. Можно предположить, что это довольно поздняя инновация, возникшая в результате параллельного независимого развития в каждом отдельном языке или в различных ареалах соответствующей группы (или групп) языков.

Такие инновации обычно наблюдаются в тех языках, для которых характерна агглютинативность. Видимо, самый агглютинативный тип языков⁷⁰ или — добавим — развивающиеся черты агглютинативности в языках иных морфологических типов — способствует появлению аффиксальных комплексов; «удивительную способность» агглютинативных языков образовывать «целые гирлянды суффиксов» для того, чтобы уточнить значение того или иного полисемантического форманта, уже давно подчеркнул Б. А. Серебрянников (ОЛЮ, стр. 10). Агглютинативными являются языки урало-алтайской типологической зоны, корейский, японский, иберийско-кавказские языки. В нивхском, кетском, юкагирском, новоиндоиранских языках, как это признано исследователями, развиваются (или просто фиксируются) черты агглютинативности.

Пока нет возможности сказать точно, какая «доза» агглютинативности нужна для возникновения сочетания аффиксов с тем, чтобы такое сочетание не ощущалось бы как некая окказиональная случайность, а вошло в грамматическую систему языка — на правах ли всеобщего и регулярного средства включения в падежную парадигму или же на правах «малой подсистемы» со строго ограниченной лексической емкостью. И все же с известной долей вероятности можно прогнозировать сочетания показателей в падежном склонении. Здесь условием для возникновения таких комбинаций является (наряду с общим условием: агглютинативностью) также и самая степень развитости падежной парадигмы. Скорее можно ожидать сочетания падежных аффиксов в агглютинативном языке, где парадигма насчитывает 22 падежа (именно так и оказывается в венгерском⁷¹), чем в языке той же подгруппы (угорской), где падежей всего три (так в казымском диалекте хантыйского языка). То же самое в тунгусо-маньчжурских языках: такие комбинации распространены в говоре киндигирских эвенков, где насчитывается 13 падежей (из них восемь, а в прошлом было девять локативных падежей), и не отмечены в маньчжурском именном склонении с его пятипадежной парадигмой (локативных падежей всего два) (НЭМ, стр. 37). Сходную картину показывают и кавказские языки: «вторичные», производные падежи широко применяются в нахских и дагестанских языках с их сильно развитыми падеж-

⁶⁸ См., например: К. К. Курдоев, Грамматика курдского языка, М.—Л., 1957, стр. 74; Т. В. Вентцель, Цыганский язык, М., 1964, стр. 57—58, 61.

⁶⁹ См.: Г. Л. Нахуцришвили, Об агглютинативном характере осетинского именного склонения, ВЯ, 1969, 1.

⁷⁰ В. З. Панфилов, О происхождении склонения в нивхском языке, стр. 82.

⁷¹ К. Е. Майтинская, Венгерский язык, ч. I, М., 1955, стр. 133 и сл.

ными парадигмами (в отдельных языках — до 40 падежей с несколькими сериями производных локативных падежей), используются в картвельских языках, где насчитывается от 6 до 9 падежей, и их нет в абхазско-адыгских языках⁷², где имена либо вовсе лишены парадигматического ряда (абхазский язык), либо имеют его в относительно небольшом объеме.

Таким образом, сочетания падежных показателей, являющиеся сами по себе необходимым строительным материалом для развития и обогащения падежной парадигмы⁷³, обуславливаются — по крайней мере, в урало-алтайских и типологически тяготеющих к ним языках — агглютинативностью, причем в каждом конкретном случае дополнительным импульсом для возникновения таких сочетаний являются специфические, индивидуальные свойства и особенности данного языка, своеобразие тенденций развития этого языка и прежде всего — его падежного склонения.

Не ставя перед собой задачу определить место исследуемого явления в общезыковой типологии, нельзя в то же время не подчеркнуть важной роли сочетаний падежных аффиксов для уяснения путей развития падежного склонения и тех общих моментов, которые претерпеваются, хотя и далеко не в равной мере, языками разных систем на разных этапах эволюции их падежных парадигм.

В современных тюркских языках падежно-аффиксальные комплексы — знаменательный остаток определенного исторического состояния тюркской падежной системы, характеризовавшегося тенденцией к ее усложнению. Заметные следы этого состояния сохранились в падежных парадигмах, главным образом, местоимений в якутском, сарыгюгурском, уйгурском, чувашском языках, т. е. в языках, которые занимают более или менее обособленное место среди тюркских языков, сближаясь между собой по ряду признаков.

Для того чтобы в полном объеме выявить исторические и современные внутрисистемные отношения «простых», обычных падежных показателей и комбинаций падежных аффиксов в тюркских языках и тем самым восстановить подлинную картину развития тюркского падежного склонения, помимо «выходов» за пределы тюркских языков, целесообразно использовать плодотворную идею анализа морфологического строя родственных языков по морфемным полям⁷⁴: в применении к тюркскому падежному склонению это значит, что нельзя изучать разрозненно именное «безличное» склонение, его посессивный тип и местоименное склонение. В противном случае историко-типологическое изучение тюркских языков сведется к очередной инвентаризации форм⁷⁵.

⁷² Исключение составляет «молодой» послеложный падеж в четырехпадежной парадигме кабардино-черкесского языка: он может образовываться от основы в форме эргативного падежа (см.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., 1957, стр. 45, 49).

⁷³ В различных языках сочетания падежных аффиксов использовались для разных целей: в иберийско-кавказских языках, как и во многих других, такие комбинации служили количественному увеличению и усложнению падежного склонения, а в курдском, цыганском и других — созданию принципиально новых парадигм взамен некогда утраченных.

⁷⁴ Э. А. Макаев, Сравнительная и типологическая грамматика, ВЯ, 1964, 1, стр. 4.

⁷⁵ Ср.: Н. А. Баскаков, К проблеме историко-типологического изучения грамматики тюркских языков, ВЯ, 1969, 4.